

**СИНТАКСИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ОБЪЕКТИВАЦИИ ПРОСТРАНСТВА
(НА МАТЕРИАЛЕ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА)****В. В. Корнева***Воронежский государственный университет*

В рамках данной статьи рассматриваются субстантивно-адвербиальные конструкции *nombre substantivo + adverbio*. Возможности лексического варьирования элементов данной конструкции (как наречий, так и существительных) не рассматривались в лингвистической литературе, как не ставился и вопрос о том, существуют ли семантические трансформации конструкции в зависимости от ее лексического наполнения.

Картина мира как субъективный образ объективного мира является одним из центральных понятий в антропологической лингвистике. В картине мира ученые в первую очередь разграничивают научную картину мира и языковую картину мира, а в рамках последней выделяют разные виды картин мира, репрезентирующих отдельные фрагменты объективной действительности (см., например [7; 9]).

Анализ языковой картины мира позволяет исследователю выявить зафиксированные в языке сведения о мире, а также механизмы вербализации этих сведений, к числу которых относятся “все элементы, все уровни, все подсистемы, представленные в соответствующей языковой системе” [7, 33]. Иными словами, изучение языковой картины мира конкретного этноса способствует выявлению не только ее составных частей — концептов как особым образом структурированных квантов знания [10], но и механизмов их овнешнения (в иной терминологии — вербализации, объективации или репрезентации).

Пространство как основополагающая сущностная форма бытия пронизывает буквально все сферы жизнедеятельности человека и служит той базой, на основе которой формируются многие другие категории (см., например [6]). Многомерность и всеобъемлющий характер пространства по-разному концептуализируются и отражаются в сознании человека. Совокупность пространственных представлений, отраженных сознанием конкретного этноса и зафиксированных в языке, формирует пространственную картину мира — неотъемлемую составляющую любой языковой картины мира.

Пространственная картина мира как часть языковой картины мира объективируется с помощью

различных механизмов, среди которых в зависимости от категориального статуса задействованных языковых средств выделяют лексические, фразеологические и синтаксические механизмы или способы вербализации (Попова, Стернин, 1999; Гришаева, 1999). Исследование лексических и фразеологических единиц в качестве механизма объективации номинируемых ими пространственных концептов получило необычайно широкое распространение среди зарубежных и отечественных лингвистов-когнитологов. Изучение же того, как в языке на синтаксическом уровне происходит отражение объективного мира, пока что делает первые шаги (см., например, пионерские исследования в этой области Г. А. Волохиной и З. Д. Поповой [5]. Синтаксическая репрезентация отдельных пространственных концептов процессуально-динамического мира, таких, как “каузирванное перемещение объекта”, рассматривается в [3].

Исследования такого рода успешно сочетают достижения традиционной лингвистики с новыми методиками анализа языкового материала. В частности, согласно данным исследований, проводимых в рамках теории функциональной грамматики, синтаксические средства выражения пространственных отношений в русском языке весьма разнообразны (см., например [1]). Падежная грамматика обнаружила еще большее многообразие пространственных смыслов и языковых форм их выражения в других языках мира. Факты такого рода, очевидно, свидетельствуют об одном — о значимости пространства для постижения окружающего мира разными этносами и о том, что язык располагает готовыми структурами для овнешнения/объективации пространственных представлений.

Не является исключением в этом отношении и испанский язык, в котором синтаксические спосо-

бы (механизмы/средства) репрезентации пространства тоже весьма разнообразны. Главными из них являются предложно-именные, глагольно-наречные и субстантивно-адвербиальные конструкции.

Самый факт наличия различных синтаксических средств объективации пространственной картины мира позволяет предположить следующее.

Первое. Предложно-именные, глагольно-наречные и субстантивно-адвербиальные конструкции представляют собой готовые структуры для объективации пространственных смыслов (концептов) как составных частей пространственной картины мира.

Второе. Данные конструкции репрезентируют в основном разные фрагменты пространственной картины мира.

Третье. Различные синтаксические структуры могут по-разному объективировать одни и те же пространственные смыслы.

Верификация высказанных предположений составляет отдельный предмет исследования. В рамках данной статьи мы рассмотрим только субстантивно-адвербиальные конструкции, и на этом ограниченном материале попробуем доказать или опровергнуть высказанные ранее соображения.

Выбор субстантивно-адвербиальных конструкций в качестве объекта анализа вызван целым рядом причин, и, прежде всего тем, что, судя по имеющимся у нас источникам, испанские конструкции *nombre sustantivo + adverbio* не были предметом специального изучения. Между тем исследование этих конструкций в качестве средств/способа объективации пространственной картины мира, на наш взгляд, представляет несомненный интерес по нескольким причинам. Во-первых, нет ни одной серьезной работы по грамматике испанского языка, в которой не отмечалась бы, возможность употребления наречий в постпозиции имен существительных. Во-вторых, признавая и отмечая сам факт наличия таких конструкций, лингвисты, как правило, комментируют особенности их формальной организации и в лучшем случае ограничиваются общим замечанием по поводу их семантики. В-третьих, возможности лексического варьирования элементов данной конструкции (как наречий, так и существительных) не рассматривались, как не ставился и вопрос о том, существуют ли семантические трансформации смысла конструкции в зависимости от ее лексического наполнения.

В свете сказанного становится очевидной актуальность предпринятой попытки ответить

на поставленные выше вопросы и в той или иной степени заполнить выявленные “лингвистические лакуны”.

Исследуя синтаксические связи слов в испанском предложении, Ю. А. Рылов обратил внимание на структурно-семантические особенности субстантивно-адвербиальной конструкции и указал на целый ряд ее отличительных признаков. Во-первых, к существительному примыкают наречия только двух разрядов — наречия места и наречия времени; во-вторых, с формальной точки зрения их объединяет жестко фиксированная позиция после главного слова — существительного; в-третьих, с семантической точки зрения наречия выражают атрибутивно-обстоятельную характеристику предмета, обозначенного существительным [12, 140].

Перечисленные особенности субстантивно-адвербиальной конструкции убедительно иллюстрируются автором примерами из художественной литературы, в частности, примером из произведения Х. Гойтисоло *La vida aquí no es como en la Francia* ‘Жизнь здесь не такая, как во Франции’ [там же, 137].

Полностью соглашаясь с предложенной Ю. А. Рыловым трактовкой конструкций рассматриваемого типа, мы, тем не менее, исходя из целей нашего исследования, считаем необходимым уточнить некоторые функционально-семантические свойства данных конструкций, с тем чтобы, опираясь на их семантику, выявить присущие им особенности вербализации фрагментов пространственной картины мира в испанском языке.

Анализ языкового материала правомерно начать с рассмотрения общих положений о лексическом варьировании членов данных конструкций — существительных и наречий. Для этого следует выяснить, какие лексем, точнее классы лексем, скрываются под масками *nombre sustantivo* и *adverbio*. Мы настаиваем именно на кластерном характере лексем, входящих в данную конструкцию, по следующим принципиальным соображениям. Во-первых, потому, что лексикализованность грамматики сама по себе — уже доказанный факт и не нуждается в дальнейших обоснованиях (см., например, комментарии А. А. Кретьева в [2]). Во-вторых, потому, что системный характер языка проявляется, в частности, в том, что синтаксические потенции и определенные синтаксические функции присущи не только словам тех или иных частей речи (ср., к примеру, синтаксический потенциал существительных и синтаксический потенциал

наречий), но и в значительной степени они определяются принадлежностью этих слов к той или иной категории, а также их вхождением в более мелкие группировки слов на основании сходства семантических признаков, таких, например, как лексико-семантические группы и т.п. (см., например [3; 5]).

Иными словами, на первом этапе анализа следует определить, какие классы существительных могут употребляться в субстантивно-адвербиальных конструкциях и есть ли ограничения на их использование. Кроме того, нужно уточнить, какие именно наречия места и времени обладают способностью употребляться после существительных.

Анализ возможностей семантического варьирования существительных в конструкциях рассматриваемого типа показал, что существительное может иметь самые разные лексико-грамматические характеристики, оно может относиться как к одушевленной, так и к неодушевленной лексике, событийной и не событийной, конкретной или абстрактной, исчисляемой и неисчисляемой совершенно различной тематической принадлежности. Ср.:

El hombre aquí no es como en la Francia.

La gente aquí no es como en la Francia.

La vida aquí no es como en la Francia.

La casa aquí no es como en la Francia.

El bosque aquí no es como en la Francia.

La ideología aquí no es como en la Francia.

La amistad aquí no es como en la Francia.

La nieve aquí no es como en la Francia. — ‘Человек / люди / жизнь / дом / лес / идеология / дружба / снег здесь не такой / такая, как во Франции’.

Существительное в составе данной конструкции полностью реализует свои основные морфолого-синтаксические свойства. Оно может менять морфологический показатель числа (ср. *Las casas / ideas / bosques / personas aquí no son como en la Francia* ‘Дома / идеи / леса / люди здесь не такие, как во Франции’); может определяться артиклем или местоимением (*Mi vida aquí no es como en la Francia* ‘Моя жизнь здесь не такая, как во Франции’).

Кроме того, существительное может иметь при себе другие детерминанты, выраженные прилагательным или атрибутивной конструкцией (*Mi nueva vida aquí no es como en la Francia* ‘Моя новая жизнь здесь не такая, как во Франции’, *La vida de mi padre aquí no es como en la Francia* ‘Жизнь моего отца здесь не такая, как во Франции’). Наконец, существительное может занимать разную синтаксическую

позицию в структуре предложения (ср., например, позицию субъекта *La vida aquí no es como en la Francia* ‘Жизнь здесь не такая, как во Франции’ и позицию объекта: *Ultimamente pienso mucho en la vida aquí* ‘В последнее время я много думаю о жизни здесь’).

Приведенные данные, как представляется, позволяют утверждать, что в испанском языке фактически нет ни семантических, ни лексико-грамматических запретов на употребление существительных в составе рассматриваемых конструкций.

Что касается наречий, то возможности их употребления в структуре рассматриваемой конструкции ограничены, как уже отмечалось выше, принадлежностью к определенным разрядам — к наречиям места и времени. Однако эти возможности тоже довольно велики. Ср.: *La vida aquí / allá / arriba / abajo / hoy / ahora / antes / entonces / así no es como en la Francia* ‘Жизнь здесь / там / наверху / внизу / сегодня / сейчас / тогда / не такая как во Франции’.

Сочетания же с другими наречиями, согласно опросу информантов, представляются маловероятными: *?La vida adelante / *delante me parece preciosa* ‘Жизнь впереди мне кажется прекрасной’; *?La vida atrás / detrás es algo horroroso* ‘Прошлая жизнь (жизнь сзади) — это что-то ужасное’.

Исключение, вероятно, составляют дистантные наречия *cerca* ‘близко’ и *lejos* ‘далеко’: **La vida cerca / lejos me parece preciosa* ‘Жизнь близко / далеко мне кажется прекрасной’ при нормативном как в испанском, так и в русском языках *La vida de / desde cerca me parece preciosa* ‘Жизнь вблизи мне кажется прекрасной’.

Наречие может конкретизироваться с помощью пояснительной конструкции: *La vida aquí en Rusia no es como en la Francia* ‘Жизнь здесь, в России, не такая, как во Франции’.

Факты такого рода позволяют говорить о том, что в составе рассматриваемой конструкции наблюдаются некоторые лексические ограничения на употребление наречий места и времени. В то же время следует отметить, что постпозитивные наречия обладают общей семантической функцией, которая заключается в том, чтобы локализовать номинируемый существительным объект во времени или пространстве.

Для определения синтаксической функции самой рассматриваемой субстантивно-адвербиальной конструкции принципиально важным является тот факт, что указанные возможности семантически-

кого варьирования существительного и наречия в ее составе не влекут за собой изменения общего атрибутивно-обстоятельственного значения.

Данную конструкцию можно также анализировать с иных позиций — как готовую языковую структуру для репрезентации пространственных представлений. В этом ракурсе рассмотрения субстантивно-адвербиальная конструкция характеризуется тем, что с ее помощью предмет (будь то субъект или объект действия) локализуется в пространстве, то есть становится пространственно детерминированным.

Отметим также, что наречие может менять свое положение в структуре предложения и становиться в препозицию к существительному:

Aquí la vida no es como en la Francia ‘Здесь жизнь не такая, как во Франции’.

Важно заметить, что при этом происходит повышение синтаксического ранга наречия, которое переходит в разряд фразового модификатора, однако сама атрибутивно-обстоятельная конструкция, естественно, разрушается. Следовательно, изменение положения наречия в структуре предложения, в частности его препозиция, сигнализирует об иной пространственной локализации, о том, что в пространстве локализуется не отдельный компонент ситуации (как в рассмотренном выше случае), а вся ситуация в целом.

Сказанным не исчерпываются возможности реализации структурной модели *nombre sustantivo + adverbio* в испанском языке. Хорошо известно, что одна и та же категориальная принадлежность синтаксисом вовсе не означает единообразия их синтаксического поведения. Точно так же наличие одной структурной модели вовсе не означает семантического “фамильного” сходства. И субстантивно-адвербиальные конструкции *nombre sustantivo + adverbio* в испанском языке — убедительное тому доказательство. Как показывает анализ практического материала, в испанском языке существуют и другие способы использования данной модели. Один из них, имеющий атрибутивно-обстоятельственное значение и служащий для пространственной локализации предмета, мы охарактеризовали выше, анализ другого — наша основная задача.

Лингвисты давно обратили внимание на весьма своеобразное синтаксическое поведение отдельных наречий в составе субстантивно-адвербиальных конструкций. Правда, при этом их занимает не столько семантика этих образований, сколько статус, функция, которую реализует в них наречие. По

традиции, идущей от А. Бельо, ученые спорят о том, какую функцию выполняет наречие: функцию наречия, предлога или послелога (подробнее см. об этом [15, 48]). Лишь в последнее время в связи с общим поворотом лингвистики в сторону семантики ученые заговорили о некоторых семантических свойствах этих субстантивно-адвербиальных конструкций, попутно затрагивая отдельные вопросы лексического наполнения данных конструкций и их отличительные формальные свойства.

Так, В. С. Виноградов отмечает, что “русские выражения типа ‘вверх (вниз) по реке, течению, склону, улице и т.п. передаются в испанском языке с помощью наречий *m e s t a arriba* и *abajo* (здесь и далее разрядка и выделение автора — В.К.). Причем, в отличие от русского языка эти наречия всегда ставятся *п о с л е* существительного и между ними нет предлога...” и приводит следующие примеры:

<i>río arriba</i>	— вверх по реке
<i>río abajo</i>	— вниз по реке
<i>cuesta arriba</i>	— вверх по склону и т.д.
<i>La barca siguió río abajo.</i>	— Лодка поплыла вниз по реке.
<i>El muchacho corre loma arriba.</i>	— Мальчик бежит вверх по холму.

([4, 237])

Аналогичную точку зрения высказывает и Н. И. Попова: “Наречия *arriba* и *abajo* часто следуют за существительным и переводятся на русский язык **вверх по** (реке), **вниз по** (склону)”, отмечая при этом еще одну особенность конструкции — безартиклевое употребление существительных ([17, 344]).

Как вытекает из сказанного, данная субстантивно-адвербиальная конструкция значительно отличается от рассмотренной выше, что дает нам основания считать их не вариантами одной и той же модели, а омонимичными конструкциями, образовавшимися в испанском языке в результате исторического развития. Общим для данных омонимичных конструкций, пожалуй, является только фиксированная постпозиция наречия (это наиболее яркий формальный признак, на который указывают все ученые без исключения. См., например [4, с. 237; 17, 344; 16, 185—186; 19, 66]). По всем остальным параметрам в них наблюдается принципиальное расхождение.

Обобщая отдельные комментарии лингвистов по этому поводу, а также наши собственные наблюдения над языковым материалом, можно утверждать

дать, что структурно-формальное своеобразие данной субстантивно-наречной конструкции сводится, главным образом, к особым морфолого-синтаксическим характеристикам существительного. К числу последних относится принципиальная невозможность существительного сочетаться с каким бы то ни было определителем: ни с артиклем [17, 344]), ни с указательным или притяжательным местоимением [14, 610].

Существительное в данной конструкции характеризуется также неизменностью морфологической формы числа: оно имеет фиксированную морфологическую форму и выступает, как правило, только в форме ед. числа. Данному утверждению не противоречит появление в конструкции формы мн. числа *escaleras*, поскольку существительное *escalera* 'лестница' ведет себя подобно словам *pluralia tantum* и то же самое значение имеет в форме как единственного числа, так и множественного числа (см. об этом [18, 910]).

Иными словами, существительное в данной конструкции по своим формальным характеристикам уподобляется наречию и ведет себя как застывшая неизменяемая форма.

Указанные выше формальные особенности субстантивно-наречной конструкции, которые, собственно, и привлекли к ней внимание ученых, прямо и непосредственно связаны с ее семантикой.

Комментарии по поводу семантики субстантивных сочетаний с постпозитивным наречием немногочисленны, и фактически все они приводились выше. Пожалуй, наиболее определенно о семантической функции данных конструкций высказался Ф. Матте Бон, который отметил, что "операторы *arriba* и *abajo* в некоторых контекстах могут употребляться для выражения направления движения. В таком употреблении операторы *arriba* и *abajo* иногда следуют за существительным, на пространство которого они указывают... Частотным является также употребление в аналогичных конструкциях после существительного операторов *adentro* и *afuera*" [16, 185—186].

Однако и эта формулировка порождает многие вопросы. О каких "некоторых контекстах" идет речь? Что значит наречия "иногда следуют за существительным"? — Означает ли это свободу положения наречия в составе конструкции, возможность находиться как в препозиции, так и в постпозиции существительного? Если да, то когда, при каких условиях это происходит? Открытым остается вопрос и о составе существительных (фактически он никак не комментируется). Наконец, не

ясно, как именно указывают на пространство постсубстантивные наречия.

Исходя из общепринятого положения о том, что рассматриваемые конструкции выполняют исключительно обстоятельственную функцию и что существительное в них может обозначать пространство, на которое указывают наречия, наша задача заключается в том, чтобы конкретизировать эти слишком общие положения и выяснить следующее:

а) какие именно обстоятельственные функции могут реализовывать данные конструкции;

б) каким образом (как) существительное номинирует пространство;

в) какую роль в этом играет семантика существительного и семантика наречия (если да — то какую).

Для этого необходимо рассмотреть особенности семантического варьирования субстантивно-наречной конструкции и выявить возможные ограничения на заполнение левой и правой позиции, т.е. выявить семантические ограничения на использование существительных и наречий в ее составе.

Как показывает анализ лингвистической литературы, отечественные и зарубежные ученые по-разному оценивают возможности наречий и существительных участвовать в формировании конструкций рассматриваемого типа в испанском языке. В частности, отечественные испанисты считают, что способностью постпозитивного употребления после имен существительных обладают только два наречия *arriba* и *abajo* (см., например [4; 17]).

В отличие от русских исследователей испанские ученые называют большее количество наречий, способных употребляться в постпозиции к существительным. Так, Ф.Матте Бон выделяет четыре наречия: *arriba*, *abajo*, *adentro* и *afuera* [16, 185—186]. В работах других авторов список наречий расширяется до восьми и включает не только наречия места *arriba*, *abajo*, *adentro*, *afuera*, *adelante*, *atrás*, но и наречия времени *antes* и *después* [15, 48].

Из этого следует принципиально важное для нас положение: в зависимости от принадлежности наречия к конкретному разряду — к наречиям места или к наречиям времени — инвариантная конструкция *nombre sustantivo + adverbio* предстает либо как конструкция *nombre sustantivo + adverbio de Tiempo*, либо как конструкция *nombre sustantivo + adverbio de Lugar*.

Как показывает анализ практического материала, в лексическом наполнении конструкции *nom-*

bre sustantivo + adverbio de Lugar наблюдаются ограничения на заполнение левой и правой синтаксической позиции, т.е. отмечаются ограничения на употребление и существительных, и наречий.

Выше уже отмечалось, что заполнять правую позицию в составе конструкций *nombre sustantivo + adverbio de Lugar* могут наречия *arriba, abajo, adentro, afuera, adelante, atrás*, хотя однословные локальные наречия в испанском языке образуют довольно многочисленную группу и включают порядка двадцати наречий (см., например, Amador 1985).

Ответ на естественно возникающий при этом вопрос — чем объясняется подобная избирательность наречий, на наш взгляд, непосредственно связан с семантикой указанных выше лексем. Поэтому для выявления особенностей синтаксического поведения анализируемых наречий нужно прежде всего понять, чем они отличаются от других локальных наречий и какова их специфика. При этом мы исходим из того, что традиционная классификация наречий, выделяющая среди других разрядов и наречия места, как и любая классификация, может быть осуществлена с разной степенью подробности.

Необходимость дальнейшей семантической дифференциации испанских локальных наречий в нашем случае вызывается также тем, что рассматриваемые нами наречия образуют синонимичные пары *arriba — encima, abajo — debajo, adelante — delante, atrás — detrás, adentro — dentro, afuera — fuera*, в связи с чем выяснение семантических причин употребления в рассматриваемых конструкциях одних наречий и неупотребления других становится особенно актуальным.

Согласно нашим наблюдениям, общим компонентом перечисленных выше наречий, их архисемой является значение “направление”. Отличаются они главным образом тем, что наречия *arriba, abajo, adelante, atrás, adentro, afuera* образуют особую группу дистантно-направительных локальных наречий и что они, в отличие от своих синонимов, могут употребляться в динамической ситуации и указывать на изменение пространственной локализации (подробнее см. [8]).

Отметим также, что дальнейшее семантическое разграничение выделенных дистантно-направительных наречий на вертикально- и горизонтально-ориентированные, равно как и анализ семантики существительных, встречающихся в рассматриваемых конструкциях, является принципиально важным для целей нашего исследования, прежде

всего, потому, что по закону семантического согласования сочетающиеся лексемы не должны иметь взаимоисключающих сем (ср., например, возможность сочетания типа *ir calle arriba* ‘идти вверх по улице’, с одной стороны, и невозможность сочетания **ir mesa arriba* ‘идти вверх по столу’, с другой). В связи с этим представляется целесообразным проанализировать сочетательные потенции разных групп дистантно-направительных наречий в следующих конструкциях:

- а) *sustantivo + arriba / abajo*;
- б) *sustantivo + adelante / atrás*;
- в) *sustantivo + adentro / afuera*.

При этом следует иметь в виду, что, как что убедительно показали когнитивные исследования последних лет, особенности концептуализации предметов имеют первостепенное значение для семантической валентности обозначающих их существительных (см., например [11]). Очевидно, данное положение в той или иной степени должно быть релевантным и для нашего анализа возможности/невозможности употребления существительных в составе анализируемых конструкций.

Учитывая данное обстоятельство, рассмотрим, с какими существительными способны сочетаться вертикально ориентированные дистантно-направительные наречия *arriba* и *abajo*, т.е. рассмотрим левое окружение наречий в конструкции *sustantivo + arriba / abajo*.

Согласно данным словарей и других справочных изданий, состав имен существительных в конструкциях с наречиями верха и низа *sustantivo + arriba* и *nombre sustantivo + abajo* не очень многочисленный. Он включает в себя слова *pendiente, cuesta, loma, calle, río, aguas, boca, cabeza, pies* или *patas*. Кроме того, согласно опросу информантов, можно продолжить этот список за счет других слов, являющихся, как мы увидим, ничем иным, как расширением синонимического ряда. В частности, наречие верха *arriba* может быть в постпозиции следующих существительных: *calle — avenida, rambla; camino — sendero, carretera; río — corriente, vereda; monte — montaca, colina, peca, ladera, cuesta* и др.

Те же самые существительные могут употребляться и в сочетании с наречием низа *abajo*. Кроме того, их число может расширяться за счет слов типа *abismo* ‘пропасть, обрыв’, *barranco* ‘овраг, обрыв’.

Характеризуя в целом состав существительных, входящих в конструкции с наречиями верха и низа, нельзя не отметить, что с точки зрения семантики

он довольно пестрый. Среди них можно выделить две основные группы слов: одну из них образуют лексем, относящиеся к географическим понятиям, другую — соматизмы, т.е. слова, называющие части тела. В свою очередь географические наименования также являются разнородными; они могут указывать либо на природные явления — натурфакты, как-то: наклонная поверхность природной возвышенности или сама возвышенность (слова *pendiente, cuesta* ‘склон, наклонная поверхность’) или движущаяся водная масса, течение (слова *rio, aguas, corriente* ‘река, воды, течение’), либо на артефакты — часть населенного пункта (*calle* ‘улица’). К числу последних с определенной долей условности можно отнести также слова типа *camino* ‘дорога’, *sendero* ‘тропинка’, *carretera* ‘дорога, шоссе’.

Соматизмы, называя разные части тела, естественно, тоже не однородны в семантическом плане. Среди соматизмов можно выделить, с одной стороны, слова *cabeza* ‘голова’ и *pies/patas* ‘ноги (ступни), лапы’ как точки отсчета тела, с другой стороны — слова *boca* ‘рот’ и *panza* ‘живот’.

Что же объединяет все эти столь разные в семантическом плане слова?

Основываясь на функционально-семантических свойствах перечисленных существительных в сочетаниях с вертикально ориентированными дистантно-направительными наречиями, можно утверждать, что интегрирующим началом объединения этих слов служат два разных основания — вертикальная/невертикальная ориентация, в соответствии с которыми можно выделить две подгруппы слов. Одну из них образуют слова типа *pendiente, cuesta, rio, aguas, calle, cabeza, pies/patas*, а другую — лексем *boca* ‘рот’ и *panza* ‘живот’. Слова первой группы имеют реальные или потенциальные семы вертикальной ориентации, связанные с разграничением понятий “верх/низ”. Слова же второй группы, не имеющие сем “верх/низ”, указывают на иную — фасадную (или фронтальную) ориентацию человеческого тела или туловища животного.

О вертикальной ориентации лексем — названий природных натурфактов типа *pendiente, cuesta* сигнализирует входящая в их семантическую структуру архисема “высота”. Вертикальная ориентация других лексем — названий природных натурфактов типа *rio, aguas* не столь очевидна, поскольку перепад высоты и соответственно причины того или иного направления течения реки не всегда видны невооруженным глазом и объясняют-

ся законом тяготения (вероятно, по этой же причине разграничивают понятия “верх / верхнее течение реки” и “низ / нижнее течение реки”).

Отдельного комментария заслуживают слова типа *calle* и *camino*, которые сами по себе не принадлежат к числу вертикально ориентированных лексем. Они приобретают эту ориентацию в сочетании с наречием верха (или низа) *calle arriba/abajo* или *camino arriba/abajo*, что в общем-то неудивительно, если иметь в виду пространственную смежность, лежащую в основе метонимического переноса “возвышенное место — артефакт на этом месте”. Если же рассматривать конструкцию типа *calle arriba* как часть законченной смысловой единицы — предложения/высказывания, то тогда возможна иная интерпретация: *Ibamos calle arriba* ‘Мы шли вверх по улице’ = ‘Мы шли по улице. Улица поднималась вверх’. Исследователи склонны видеть в явлениях такого рода свернутую пропозицию, хотя сама конструкция *calle arriba* может толковаться как семантическая компрессия, семантическое стяжение на основе метонимии.

Согласно распространенной точке зрения, вышеуказанные “географические” слова в сочетании с постпозитивными наречиями верха и низа, а также с некоторыми другими направительными наречиями отличаются тем, что названный ими объект одновременно служит местом перемещения, хотя предлог трассы *por* в конструкции отсутствует (см. [16, 185 — 186; 3; 17] и др.).

Наши наблюдения подтверждают, что указанное значение действительно реализуется в подавляющем большинстве случаев употребления рассматриваемых конструкций. В то же время анализ практического материала показывает, что семантика существительных в данных конструкциях одним только значением *трассы перемещения* не исчерпывается. Наряду с ним существительные могут иметь значение *места реализации действия* или *местонахождения*, как в следующем примере:

Están pescando rio arriba ‘Они ловят рыбу вверх/выше по реке’.

В приведенном примере выражается значение *места реализации действия*. Замена в предложении акционального предиката на локативный влечет за собой модификацию смысла конструкции, которая выражает уже другой вариант локативного значения — значение *местонахождения*:

Están rio arriba ‘Они находятся вверх/выше по реке’.

Не вызывает сомнения тот факт, что та или иная семантическая интерпретация субстантивно-абвер-

биальных конструкций с постпозитивными локальными наречиями (как *места перемещения/трассы* или же как *местонахождения*) в общем и целом зависит от принадлежности определяемого данными конструкциями глагола к одному из двух основных лексико-семантических классов глаголов пространственной локализации — к глаголам местонахождения или к глаголам перемещения. Если конструкция определяет глагол перемещения, то реализуется значение трассы, если же она распространяет глагол иной семантики, действие которого не связано с изменением пространственной локализации, то актуализируется другой смысл — значение местонахождения/места реализации действия.

Важно, что при этом и в том, и в другом случае в конструкции сохраняется *направительное значение вверх/вниз*, задаваемое наречием конкретной семантики (наречием *верха* или *низа* и др.). В свою очередь различие самого направительного значения обусловлено опять-таки семантикой не входящего в структуру конструкции глагола, но стоящего над ней: будучи организационным центром предложения, глагол проецирует присущие ему как лексеме семантические свойства на свое окружение, в том числе и на рассматриваемую нами субстантивно-адвербиальную конструкцию. В частности, глагол перемещения проецирует в конструкции значение направления перемещения движущегося субъекта (и/или объекта) по названному существительным пространству (в наших примерах *вверх* или *вниз*), тогда как при глаголе иной семантики в конструкции реализуется направительное значение пространственной локализации субъекта или объекта относительно точки отсчета, в роли которой выступает наблюдатель, как правило, совпадающий с говорящим. Следует также отметить, что, согласно опросу информантов, конструкции такого рода характерны главным образом для устной речи и нередко их употребление сопровождается указательным жестом.

Приведенные комментарии по поводу семантики глаголов вызваны необходимостью уточнения принципиально важного положения о том, есть ли прямая зависимость между значением существительного как представителя определенной тематической группы и семантикой конструкции в целом или же в формировании ее смысла участвуют и другие языковые средства, в нашем случае — глагол. На примере “географических” слов такой зависимости не обнаружено, зато обнаружены общие семантические свойства анализируемых конструк-

ций, их способность выражать разные пространственно-направительные значения в рамках единого локативного значения - обстоятельственного значения места.

Продолжим предпринятый анализ конструкции *nombre sustantivo + adverbio arriba/abajo* на примере слов иной тематической группы.

Функционально рассмотренным выше географическим лексемам близки и некоторые другие слова — наименования артефактов, специально предназначенных для перемещения *вверх/вниз*. В нашем случае таким словом является *escalera* ‘лестница’, представленная в языковом материале в виде двух вариантов ед. и мн. числа (поскольку, как уже говорилось, формальное изменение числа данного слова не всегда означает единичность/множественность номинируемого объекта). В то же время обозначения других, казалось бы, функционально идентичных артефактов (имеется в виду целевое назначение этих средств и не принимаются во внимание другие обстоятельства, как-то самостоятельное/несамостоятельное перемещение субъекта), например, *ascensor* ‘лифт’, не могут использоваться в конструкциях рассматриваемого типа. Ср.: *ir escalera arriba*, *ir escalera abajo* и **ir ascensor arriba*, **ir ascensor abajo*. Данный факт объясняется исключительно особенностями концептуализации самих именуемых объектов. В частности, *escalera* ‘лестница’ концептуализируется не только как артефакт, имеющий целевое назначение, но и как предмет достаточно протяженный, в котором можно выделить начало, конец и другие точки отсчета/параметры, например, середину. Ср.: *Me paré en la mitad de la escalera para descansar* ‘Я остановился на середине лестницы, чтобы отдохнуть’.

Протяженность же предмета потенциально может выступать как трасса перемещения, представляющая собой череду сменяющихся точек на этом, точнее вдоль поверхности этого предмета. Да и сам предмет специально создавался как вспомогательное средство для самостоятельного перемещения субъекта *вверх/вниз*. В то же время другой артефакт *ascensor* ‘лифт’ концептуализируется иначе — как контейнер, хотя фактически именуемый объект, как и лестница, также является трехмерным, т.е. имеет длину, ширину и высоту и тоже обладает значением протяженности.

Иными словами, косвенным следствием разной концептуализации указанных артефактов являются концептуальные признаки ‘нахождение субъекта снаружи или внутри’ них, а также ‘самостоятельность/несамостоятельность перемещения’.

Что касается возможностей интерпретации самой конструкции со словом *escalera*, то она допускает только одно семантическое прочтение: направленное вверх/вниз место перемещения субъекта в силу целевого использования названной лексемой артефакта. Иначе говоря, лексема *escalera* относится к функциональным именам, предполагающим постоянный способ использования соответствующего предмета (см. об этом [11, 31]).

Обратимся теперь к рассмотрению семантико-функциональных свойств соматизмов — другой тематической группы существительных, употребляющихся в составе данной конструкции.

Как уже отмечалось ранее, среди соматизмов можно выделить вертикально- и горизонтально-ориентированные лексемы. К числу вертикально-ориентированных лексем относятся слова *cabeza* и *pies/patas*, а с другой — обычно не выделяемые исследователями лексем *pierna* ‘нога’, *brazo* ‘рука’, *garganta* ‘горло’. Горизонтально-ориентированными являются лексем *boca* ‘рот’ и *panza/barriga* ‘живот/брюхо’.

Функционирование разных разрядов соматизмов в составе рассматриваемой конструкции имеет свои особенности.

Соматизмы *pierna*, *brazo*, *garganta* по своим функционально-семантическим свойствам сближаются с рассмотренными ранее “географическими словами” на том основании, что они также называют достаточно протяженные и вертикально-ориентированные в обычном положении человека/животного объекты/предметы, которые в силу своего размера могут служить местом перемещения. Принципиальное различие между “географическими” словами” и этими соматизмами заключается в смене субъекта действия. Естественно, что перемещаться вверх/вниз (ползти, карабкаться), скажем, по ноге человека может маленькое существо, чаще всего насекомое (именно на такую сочетаемость указали информанты), а также ребенок или щенок. И, наоборот, в силу действия логического закона соизмеримости сравниваемых объектов можно опять-таки сказать *La mosca sube pierna arriba* ‘Муха ползет вверх по ноге’ и нельзя **La mosca sube monte arriba* ‘Муха ползет вверх по горе’.

Следовательно, в отличие от конструкций с “географическими” словами в конструкциях с соматизмами *pierna* ‘нога’, *brazo* ‘рука’ реализуется только одно пространственное значение — значение места перемещения, что, собственно, и позволяет нам говорить в данном случае о существова-

нии прямой зависимости между семантикой существительного и значением конструкции.

Другую разновидность вертикально-ориентированных соматизмов, как отмечалось, образуют слова *cabeza* и *pies/patas*, которые исходно послужили формированию самого понятия “верх/низ”. Поскольку лексем *cabeza*, с одной стороны, и *pies/patas*, с другой, прочно ассоциируются в сознании человека с понятием “верх” и “низ” соответственно, то, как правило, они не нуждаются в поддержке наречий такой же семантики и сочетаются главным образом с наречиями противоположной семантики, образуя сочетания *cabeza abajo*, *pies/patas arriba*. В результате сочетания несочетаемого актуализируется значение “ненормального”, перевернутого, положения человеческого тела или туловища животного: *cabeza abajo* ‘вниз головой’, *pies/patas arriba* — ‘вверх ногами/вверх тормашками’, в том числе и метафорическое значение выражения *patas arriba* — ‘вверх дном, в беспорядке’. Любопытно в связи со сказанным отметить наличие в испанском вокабуляре специального слова (прилагательного) *cabizbajo* ‘опустив голову’.

Сказанное означает, что в конструкциях с названными лексемами также реализуется обстоятельственное значение, однако при этом происходят весьма существенные семантические трансформации и вместо одного обстоятельного значения наблюдается другое, поскольку замена одного соматизма на другой автоматически влечет за собой изменение семантики самой конструкции и пространственное значение трансформируется в терминах традиционной грамматики в значение обстоятельства образа действия. Например: *Deslizyze cabeza abajo* ‘Он скользил головой вниз’.

Таким образом, в данном случае также наблюдается однозначная зависимость между лексическим значением соматизмов и семантикой конструкции, что объясняется особенностями концептуализации головы и ног в языковом сознании как маркеров нормального вертикального положения тела в пространстве.

Горизонтально-ориентированные соматизмы второй группы *boca* ‘рот’ и *panza/barriga* ‘живот/брюхо’ отличаются от рассмотренных ранее вертикально-ориентированных существительных первой группы тем, что, повторим, не имеют сем “верх/низ” и сигнализируют об иной — фасадной ориентации человеческого тела или туловища животного. В сочетании с наречиями верха или низа слова *boca*, *panza*, *barriga* указывают на смену

вертикальной ориентации на горизонтальную (напомним, что нормальным положением человека является вертикальная поза) и о том, как именно, в каком положении находится человек/человеческое тело (реже — тело животного) — лицом/животом вверх или вниз (точнее, в испанском языке происходит метонимическая замена слова *cara* ‘лицо’ на *boca* ‘рот’). Ср.: *Está tumbado boca abajo* ‘Он лежит лицом вниз’.

Следовательно, конструкции с соматизмами *boca* ‘рот’, *panza* ‘живот’, *cabeza* ‘голова’, *pies/patas* ‘ступни/лапы’ в отличие от конструкций со словами другой тематической принадлежности выполняют принципиально иную семантическую функцию. Причина этого, по-видимому, кроется в том, что данные части тела не концептуализируются как место перемещения.

Приведенные данные подтверждают правомерность разграничения вертикально-ориентированных и горизонтально-ориентированных лексем-соматизмов, поскольку от их семантики зависит значение самой конструкции. Можно сказать, что в данном случае, как и в случае с географическими словами, наблюдается прямая зависимость между семантикой существительного и значением конструкции.

Семантическая функция конструкций с соматизмами заключается в том, чтобы указывать на положение человеческого тела (реже — туловища животного) в пространстве. На этом основании их можно отнести к *конструкциям ориентирования* (термин Е. В. Рахилиной [11]). Следовательно, данные конструкции также относятся к числу синтаксических средств репрезентации пространства.

Подведем некоторые итоги.

Лексическое наполнение конструкций *sustantivo + arriba / abajo* по сравнению с рассмотренными выше атрибутивно-обстоятельственными структурами имеет значительные ограничения. В ней могут употребляться только слова определенных тематических групп. Количественный состав этих групп тоже достаточно ограничен и включает в себя, главным образом, наименования вертикально-ориентированных предметов, прежде всего элементов рельефа — возвышенностей и их склонов.

Сам по себе факт наличия в составе конструкций локального наречия верха или низа еще не означает их семантической изофункциональности, поскольку семантика существительного (принадлежность его к определенному лексико-семанти-

ческому разряду и более мелкой тематической группе) играет не меньшую роль в выявлении значения конструкции в целом. В частности, слова географической тематики сигнализируют об исключительно пространственном значении конструкции, семантический инвариант которого “направление” может быть представлен вариантами “место перемещения в направлении, указанном наречием” и “местонахождение / место реализации действия вверх или вниз относительно точки отсчета”. Конструкции с соматизмами, наоборот, обычно указывают на положение тела в пространстве и образуют так называемые *конструкции ориентирования*.

Что касается сочетаемости существительных с наречиями, то выбор наречия конкретной семантики во многом предопределяют особенности концептуализации обозначаемых существительными предметов.

В роли пространственного локализатора способны выступать лишь существительные конкретной семантики, обозначающие предметы, которые могут концептуализироваться как место перемещения.

Рассмотренные конструкции с наречиями верха и низа довольно частотны в испанском языке. По сравнению с ними конструкции с наречиями фронтальной ориентации и наречиями, указывающими на внешнее/внутреннее пространство, употребляются значительно реже.

Наречия *adentro / afuera* образуют сочетания с существительными одной тематической группы — некоторыми “географическими словами” типа *mar, bosque, selva*, обозначающими объекты большого размера. По этой причине недопустимо сочетание *camino adentro ‘внутри по дороге’ при нормативных *mar adentro* ‘вглубь моря’, *bosque adentro* ‘вглубь леса’ и т.п.

Фронтальные наречия *adelante / atrás* взаимодействуют исключительно с функциональными словами типа *camino* и образуют конструкции *camino adelante* ‘вперед по дороге’. Теоретически возможные конструкции типа *camino atrás* ‘назад по дороге’ практически не реализуются. Причина этого, по-видимому, кроется в том, что локальное наречие *atrás* используется в темпоральной конструкции *meses atrás* ‘несколько месяцев тому назад’ и ей подобных.

В то же время следует иметь в виду, что отдельные лексемы допускают разное осмысление, о чем сигнализирует возможность их употребления в составе конструкций с разными наречиями (прав-

да, состав таких лексем весьма ограничен и наберет не больше десятка слов). Примером таких слов могут служить *calle, monte* (ср. *calle arriba, calle adelante* и *monte arriba, monte adentro*).

В целом необходимо отметить, что анализируемая конструкция представляет собой содержательный и структурно-формальный комплекс, в котором трудно однозначно выявить грамматически зависимый и доминирующий компонент. Специальное изучение семантической избирательности наречия однако позволяет установить, что круг существительных, используемых в данной субстантивно-абвербиальной конструкции, достаточно жестко определен и охватывает существительные определенных тематических групп.

В частности, наречия верха и низа *arriba* и *abajo* сочетаются с существительными следующих тематических групп: а) с наименованиями возвышенностей, в том числе отдельных их частей (склонов) — “рабочих поверхностей”, служащих местом перемещения; б) с обозначениями артефактов на возвышенном месте; в) с функциональными словами (типа лестница); г) с соматизмами.

В конструкциях с наречием *adentro*, имеющей значение ‘направление перемещения вглубь названного существительным объекта для существительных типа *mar, bosque, monte* релевантным является не вертикальная или горизонтальная ориентированность обозначаемых ими объектов, а большой размер (объем) последних, поскольку существительные разной семантики проявляют семантическое сходство опять-таки на основе концептуализации разных предметов как протяженных и, следовательно, обладающих когнитивным признаком “удаленность от точки отсчета”. Удаленность в свою очередь ассоциируется с признаком “невидимое”.

По поводу причин возникновения подобных конструкций в испанском языке можно высказать следующее предположение.

В данных конструкциях реализуется наиболее часто встречающаяся ассоциативная связь, поскольку в них используются функциональные имена (понимаемые очень широко и включающие в себя не только обозначение артефактов, но и натурфактов), которые предполагают определенный постоянный способ использования соответствующего предмета.

Однозначность, предопределенность действия с тем или иным предметом имеет место и в случае принадлежности последнего к понятийной сфере “пространство”. Соответствующие лексические средства именуют протяженные предметы, в свою

очередь нередко осмысляемые как место перемещения. Применительно к рассматриваемым конструкциям это выглядит так: *camino — ir (adelante)* ‘ДОРОГА — идти (вперед)’; *escalera — ir (arriba/abajo)* ‘ЛЕСТНИЦА — идти (вверх/вниз)’.

Место перемещения непосредственно связано с указанием на направление перемещения. Так возникает логическая цепь ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ ОБЪЕКТ — ТРАССА ПЕРЕМЕЩЕНИЯ — НАПРАВЛЕНИЕ ЭТОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ, вербализуемая в испанском языке посредством субстантивно-абвербиальной конструкции.

Значение же направления / конкретизация направления может быть связано с топологическими характеристиками предмета, например, вертикально-ориентированные объекты типа *gora* — движение вверх/вниз (по вертикали), горизонтально ориентированные типа *doroga* — движение вперед/назад и т.п.

Иными словами, ДЕЙСТВИЕ И МЕСТО ЕГО ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СВЯЗАНЫ В СОЗНАНИИ человека, что отчетливо проявляется в наших конструкциях.

В целом же проведенный анализ субстантивно-наречных конструкций подтверждает высказанную ранее гипотезу и показывает, что каждый вариант, реализующий инвариантную конструкцию *sustantivo + adverbio*, по-своему отражает пространственные представления и занимает свою “нишу” в пространственной картине мира испанского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А.В. Теория функциональной грамматики. Локативность, Бытийность, Поссесивность, Обусловленность. / А. В. Бондарко, В. Г. Гак / СПб.: Наука, 1996. — 230 с.
2. Борискина О.О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса / О. О. Борискина, А. А. Кретов // — Воронеж: Воронеж. гос. университет, 2003. — 211 с.
3. Булынина М. М. Глагольная каузация динамики синтаксического концепта (на материале русской и английской лексико-семантических групп глаголов перемещения объекта) / М. М. Булынина. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 2004. — 212 с.
4. Виноградов В.С. Грамматика испанского языка: Практический курс: Учебник для институтов и факультетов иностранных языков. — 4-е изд., испр. / В. С. Виноградов. — М.: Книжный дом “Университет”, 2000. — 432 с.
5. Волохина Г.А., Попова З.Д. Синтаксические концепты русского простого предложения. / Г. А. Волохина, З. Д. Попова. — Воронеж, 1999. — 196 с.

6. Гак В.Г. Пространство вне пространства / В. Г. Гак // Логический анализ языка. Языки пространств. / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, И. Б. Левонтина. — М.: Языки русской культуры, 2000, С. 127—134.
7. Гришаева Л.И. Картина мира как проблема гуманитарных наук / Л. И. Гришаева, М. К. Попова // Картина мира и способы ее репрезентации: Научные доклады конференции “Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование” (21—24 апреля 2003 г., Курск) — Воронеж: Воронеж. гос. университет, 2003, С. 13—38.
8. Корнева В.В. Локальные наречия и пространственная картина мира / В. В. Корнева // Материалы XXXIII Международной филологической конференции. Вып. 8. Секция грамматики (Романо-германский цикл). Ч. 1. — СПб.: Изд-во СПбГУ, 2004, С. 49—58.
9. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е. С. Кубрякова / Рос. академия наук. Ин-т языкознания. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 560 с.
10. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. — Воронеж: Истоки, 2001. — 191 с.
11. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен / Е. В. Рахилина. — М.: Русские словари, 2000. — 416 с.
12. Рылов Ю.А. Синтаксические связи слов в испанском предложении / Ю. А. Рылов. — Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. — 187 с.
13. Alarcos Llorach, Emilio. Gramática de la lengua española. / Emilio Alarcos Llorach. — Madrid: Espasa Calpe, S.A.; 1995. — 406 p.
14. Kovacchi O. El Adverbio // Gramática Descriptiva de la Lengua Española. V. 1. Sintaxis básica de las clases de palabras. Dirigida por Ignacio Bosque y Violeta Demonte. Preámbulo de F. Lázaro Carreter / O. Kovacchi. — Madrid., Espasa Calpe, S.A. 1999, P. 705—786.
15. Martínez Amador Emilio M. Diccionario Gramatical y de dudas del idioma / E. Martínez Amador. — Barcelona: Editorial Ramón Sopena, S.A., 1985. — 704 p.
16. Matte Bon, F. Gramática Comunicativa del Español. Tomo 11. De la idea a la lengua Nueva edición revisada / F. Matte Bon. — Madrid EDELSA Grupo Didascalía, S.A., 2003. — 369 p.
17. Popova N.I. Gramática práctica de la lengua española / N. I. Popova. — М.: Просвещение, 1997. — 495 с.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ

18. Diccionario de la Lengua Española de la Real Academia Española. — Madrid: Espasa Calpe, S.A., 2001. Vol. 1 — 1080 p.
19. Moliner María. Diccionario de uso del español / María Moliner. — Madrid: Gredos, 1986. — Т. 1 — 1446 p. — Т. 2 — 1590 p.